

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Б. Ф. Егоров

ОТ ХОМЯКОВА ДО ЛОТМАНА

≈

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16096

Егоров Б. Ф.

Е 30 От Хомякова до Лотмана – М.: Языки славянской культуры,
2003. – 368 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-94457-135-7

В книгу известного литературоведа и культуролога проф. Б. Ф. Егорова вошли 23 научно-популярные статьи, в основном из областей, которыми автор много лет занимался. Главные из них: славянофилы и своеобразие русской культуры и национального характера. Своеобразие рассматривается в сравнении с западноевропейскими и японскими культурными чертами. Такие же сопоставления в сходстве и отличии затем проводятся применительно к отдельным личностям – в условно названных пяти «плутарховых парах» писателей и мыслителей, от «В. Боткин и А. Герцен» до «М. Бахтин и Ю. Лотман». Бахтинская тема естественно переходит в группу статей о творчестве этого выдающегося философа и литературоведа, а вслед за последней статьей этой группы «Невельский кружок» так же естественно следует раздел «Литературное краеведение» со статьями о В. Жуковском, Н. Огареве, Ап. Григорьеве. Из новейших разысканий Б. Ф. Егорова составлен раздел «Православная церковь и литература», включающий статью «Православные мыслители о Пушкине» и очерки об А. М. Бухареве и А. М. Иванцове-Платонове.

83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-135-7

9

785944 571359

© Б. Ф. Егоров, 2003

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
---------------------	---

Национальный характер

Русский характер.	11
Национальное своеобразие русской критики	35
О сложностях межнациональных отношений	54

Славянофилы

Славянофильство	67
Славянофильство, западничество и культурология	76
О национализме и панславизме славянофилов	89
А. С. Хомяков — литературный критик и публицист. . .	102
Некоторые особенности русских славянофилов на фоне японского традиционализма	143

Православная церковь и литература

Православные мыслители и литературные критики XIX века о Пушкине	149
Бухарев и русская интеллигенция	156
А. М. Иванцов-Платонов — ученый, публицист, литературный критик.	161

«Плутарховы пары»

В. П. Боткин и А. И. Герцен	173
Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский	178
Булгаков и Гоголь (Тема борьбы со злом)	203
Общее и индивидуальное: братья Бахтины	210
М. Бахтин и Ю. Лотман.	216

Вокруг Бахтина

Слово о М. М. Бахтине	237
Диалогизм М. М. Бахтина на фоне научной мысли 1920-х годов	240
Невельский кружок Бахтина и типология кружков . . .	250

Литературное краеведение

Жуковский и Тарту	255
Н. П. Огарев и Нижний Новгород	268
Ап. Григорьев в Петербурге	324
Ап. Григорьев в Оренбурге	340
Литература	352
Библиографический список первоначальных публикаций	353
Именной указатель	: 355

ОТ АВТОРА

В эту книгу входят статьи, охватывающие почти полвека моей деятельности литературоведа и культуролога и характеризующие разные этапы и склонности. В середине прошедшего столетия я на пути к докторской диссертации о русской литературной критике 1840-х — 1860-х гг. основательно начал заниматься славянофилами и попутно, находясь в эстонском Тарту и часто бывая в Горьком-Нижнем Новгороде, разрабатывал краеведческие темы, с юности меня привлекавшие. От славянофилов я позднее переходил ко все более заманивавшей проблематике национального характера. Неожданное личное знакомство с М. М. Бахтиным подтолкнуло всерьез изучать его наследие. А постоянный интерес к сопоставлениям по сходству и по контрасту всегда тянул меня к «плутарховым» парам, к сравнительным характеристикам наших выдающихся предков и современников. В советское время даже общим славянофильским мировоззрением было чрезвычайно трудно заниматься под прессом идеологической цензуры, а уж чисто православными мыслителями и их проблемами — просто невозможно. Поэтому, как только забрезжила перестроечная свобода, я смог радостно реализовать давно накапливавшиеся богословские материалы вокруг славянофильства.

Подчеркну, что статьи публикуются без модернизации и добавлений. За последние десятилетия и даже годы появилось так много ценных книг и статей по моим темам, что, скажем, энциклопедическая статья «Славянофильство» должна бы расшириться по крайней мере в два раза. Я же решил представить читателю именно те тексты, которые были напечатаны в соответствующее время. Пусть читатель увидит исторические прикрепленности и исторические возможности наших трудов ушедших лет, пусть увидит, как мы старались в весьма лживое время быть максимально правдивыми. Я тогда далеко не все мог сказать, что хотел, но за то, что сказано, мне не стыдно.

Б. Егоров

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Сейчас принято говорить — «менталитет», но я остановился на традиционном названии, оно как-то лучше сопрягается с прилагательным «русский». Тема, нужная для данной книги, очень сложна и многоаспектна. Уже неоднократно заявлялось, что Россия настолько обширна и разнообразна по своим географическим, социальным и этническим параметрам, что чрезвычайно трудно находить для всех русских общие знаменатели. Архангельский помор и терский казак, подмосковный крестьянин и сибирский охотник — весьма не похожие и по облику, и по характеру люди. Скажем, суровые условия Севера требовали для выживания несравненно большей работоспособности и смекалки, чем благодатный солнечный Юг (полная аналогия на Западе, таковы же отличия типичного скандинава или англичанина от типичного итальянца). Не говорю уже о сословных различиях, весьма существенных для XIX века. Нельзя сбрасывать со счетов и индивидуальные психологические различия, не связанные ни с социальными, ни с региональными признаками: одни все свои радости и беды держат при себе, другие широко о них оповещают; одни постоянно плачутся, винят жизнь за недоданное, а другие радуются наличному, благодарят Бога за счастье...

Ап. Григорьев, много думавший о сути русского характера, пришел в конце концов к убеждению, высказывая его в ряде статей и писем, о **двойственности** нашего менталитета: есть у нас и смирные, и «хищные», покорные семейному началу и бунтари против него, в былинах сосуществуют образы «святого» Ильи Муромца и «ёрника» Чурилы Пленковича.

Наверное, какие бы черты мы ни привлекали к анализу, всегда найдутся русские люди с подобными свойствами, как найдутся и с противоположными. Чтобы все же получить представление о национальном характере, нужно: во-первых, помнить не о стопроцентном наполнении народной жизни какими-то признаками, а лишь о заметном преобладании их, а, во-вторых, постараться сузить объекты регионально и сословно до относи-

тельно однородной массы. Мне представляется, что наиболее «густо» национальный характер воплощает крестьянство центральных и относительно южных («центрально-черноземных») губерний страны, т. е., главным образом, крепостное крестьянство. Ап. Григорьев считал, что задавленное крепостничеством крестьянство не может служить эталоном национального характера, для этого следует привлекать свободное купечество (а также промышленников). Но, во-первых, купцы и промышленники — лишь тонкий слой над народной массой, во-вторых, они сохранили многие крестьянские черты и обычаи, в-третьих, многие их «свободные» черты в зародышевых формах наличествовали и в крестьянстве.

Наиболее сильное идеологическое, «ментальное» воздействие на русский народ в течение многих веков оказывали четыре фактора: православная религия, крепостное право, обширное монархическое государство-империя, «деревенскость», т. е. малое количество городов (теснота, обилие городов в Западной Европе, интенсивность информации, развитие торговли и промышленности — все это создавало совсем другой менталитет западных народов).

Религия внедряла в народное сознание добротные общехристианские идеалы, но были и дополнительные, так сказать, византийско-православные принципы, которые весьма существенно определяли народное мироощущение. Прежде всего это неукоснительная правота **только одной** позиции, одной идеи, одной церкви. Истинная церковь — одна, все остальное враждебное, чужое: не только, скажем, мусульманство или иудаизм, но и другие конфессии христианства, любое сектантство, любая ересь (слово «ересь» до наших дней дошло как синоним чепухи, бессмыслицы, ошибочности).

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский показали в своих работах коренное отличие православной картины потустороннего мира от католического, где существует промежуточная стадия между раем и адом — чистилище; для православия же нет никаких третьих, переходных зон: или рай, или ад! Соответственно и в земном мире деление происходит по армейскому принципу: «На первый-второй рассчитайсь!» — или свое, или чужое. Чужие религии, чужие нации, чужие одежды... «Немец» ведь название более широкое, чем житель Германии, — это вообще чужой, немой, **не мой**, не умеющий говорить по-моему (такие средневековые представления докатились до наших дней; рассказ студентов-венгров, живу-

щих в украинском Закарпатье и едущих домой из Москвы: в купе с ними — какой-то гражданин, который первый час выдержал венгерскую речь, а потом раздраженно обратился к соседям: «Вы что, по-человечески не умеете говорить?»).

Следующее звено этой цепи — решительная борьба со всеми враждебными идеями и принципами, выкорчевывание любых отклонений в своей среде и восприятие любого «чужого» человека как опасного агитатора за совсем не наши ценности.

Враждебность к чужому соседствовала с сильным традиционализмом: все новое, даже в минимальных дозах, воспринималось в штыки, как идущее от лукавого. Иными словами, в народном сознании воспитывалось явное отчуждение от новаторства и творчества. Настоящая трагедия возникла в связи с реформами патриарха Никона в середине XVII века: суровый и фанатичный Никон считал, что именно он знает истину в последней инстанции и потому смело проводил реформирование (он-то считал, что очищает от искажений!) церковных обрядов; но многие верующие люди остались на старых позициях и готовы были идти на казнь или даже на самосожжение, чтобы не поддаться дьявольским новшествам; реформы Никона, однако, были признаны официально, тоже стали традицией — и в последующих веках велась изнурительная борьба двух традиций, старообрядческой и никонианской, каждая из которых истолковывалась сторонниками как единственно истинная.

Соборный, именно собирающий паству характер православной церкви вместе с патриархальным¹ укладом русской деревни воспитывал **общинность**: каждая деревня представляла собой общину, где даже наряду с помещичьей землей почти всегда была земля своя, крестьянская, и она принадлежала не личностям и не семьям, а всей общине; общинно арендовали и поме-

¹ Патриархальность — характерная черта русской народной жизни, начавшая разрушаться лишь в XIX веке: ее отличала четкая иерархия отношений в большой семье (с женатыми детьми, обилием внуков), возглавляемой отцом, и общность материальной жизни в этой семье и т. д. Были мнения, что и черты матриархата до нового времени сохранялись в России. Недавно Е. Данилова полушутя-полусерьезно доказывала, что Пушкин в поэмах и сказках изобразил отечественный матриархат: «Русский мир у Пушкина — это прежде всего женский мир, женские счеты, женские страсти» (статья «Татьяна — это я...» — Общая газета. 1995. № 42. С. 9), а русские мужчины у классика — слабые, пассивные и даже не очень умные... Ну и ну!

щичью землю, и луга для покосов. Земля принадлежала общине, миру, да и сами крестьяне принадлежали не только помещику, но и миру (сейчас мы оба мира, и «покой», и «общность людей», пишем одинаково, а до 1918 г., до языковой реформы мир-покой писался через и «восьмеричное», т. е. «и», а мир-общность через и «десятеричное», т. е. «і»; в названии толстовского романа присутствовал «мир» как антипод войны, а Маяковский назвал свою поэму нарочито обобщенно: «Война и миръ»).

Общинность развивала солидарность, взаимопомощь, христианскую доброту к ближнему. Впрочем, не только к ближнему. Даже к «чужому», если он — странник, бедняк, нищий. В XIX веке, а не только в средневековье, бедные крестьяне, у которых к зиме или к весне уже кончился хлеб (и вообще какая бы то ни было еда), шли «в кусочки». т. е. шли побираться, просить кусочки хлеба, а в относительно зажиточных домах кусочки заранее припасали (иногда даже специально нарезали). Мир — и вообще патриархальный и в частности русский деревенский — очень **добрый**. Уже замечено, что и в языке эта доброта нашла свое отражение. В западноевропейских языках просьба к человеку выражается оборотом «если вам нравится» или «для вашего удовольствия», а в русском, если не считать нейтрального «пожалуйста», — обращением к доброте просимого: «будьте так добры».

Суровые условия русского климата тоже приучали к солидарности: только взаимопомощью можно было выжить. Не в этой ли общинной «помочи» коренится замечательная черта русской интеллигенции — отдача себя другим?

У людей глубокой религиозности добро сопрягалось с **любовью**. Архимандрит А. М. Бухарев в своей христологии главным стержнем делал любовь. К сходным идеям пришел в 1870-х гг. Достоевский: «А приняв закон любви, придете к Христу же. Вот это-то и будет, может быть, второе пришествие Христово <...> все это случится, или по крайней мере начнет случаться при нас. Как падут Бисмарки (его автор считал символом «железа и крови» — Б. Е.). Все застанется врасплох. Россия. Православие. <...> Ждать смирения, то есть победить зло красотой моей любви и строгого образа воздержания и управления собою» (Достоевский, 24, 165). Но реально христианской любовью были пронизаны лишь избранные, соборность же и доброта — явления в народе значительно более массовые.

Общинно-общественный уклад русской жизни, усиленный христианскими правилами, порождает представление о превосходстве целого-общего над индивидуальным-частным. Как всегда, и эта сторона жизни и мировоззрения нашла отражение в нашем языке. Не «я хочу», а «мне хочется», не «мое имя такое-то», а «меня зовут так-то». Вроде бы какая-то внешняя, чуть ли не божественная сила управляет нашей личностью. По-русски очень коряво и слишком хвастливо звучит «я и мой приятель», скорее скажем: «мы с приятелем». По-английски это выглядит, если буквально перевести, нелепо: вас поймут так, что какая-то группа людей вместе с вами, не меньше двух человек, общается с приятелем; правильно по-английски надо сказать именно «приятель и я». А по-русски не очень-то прилично «якать», потому и образовался не совсем точный оборот (в тюркских языках тоже затушевывается «яканье»).

Наше «мы» поэтому часто носит какой-то размытый, неясный характер: то ли двое нас, то ли пятеро, то ли это — целое общество. По-итальянски, если группа людей разговаривает с одним человеком, то существуют две формы местоимения: «мы без вас» и «мы, включая вас». А по-русски в любом случае «мы»². Когда царский манифест начинался с «мы», то не очень ведь понятно, кто имеется в виду: император вел речь от имени всей России или же он себя представлял во множественном числе. Скорее — последнее (далее ведь следовало имя царя), но это тоже и обобщение, и некоторое стирание границ.

С другой стороны, западные языки более вежливы. Как при проходе через дверь джентльмен пропустит собеседника вперед, так и в языке: англичанин не скажет «я и приятель», а обязательно — «приятель и я»; в ответ на телефонный вопрос: «Мож-

² На «размытости» русского «мы» построен замечательный диалог между инженером Бобыниным, эком, и сталинским министром госбезопасности Абакумовым в романе А. И. Солженицына «В круге первом» (1968). В ответ на хмурый вопрос министра, представляет ли свободно ведущий себя в министерском кабинете эк, с кем он говорит, тот прямо отвечает: «кто-нибудь вроде маршала Геринга?» — а на второй вопрос Абакумова: «Не видите между нами разницы?» — Бобынин каламбурно отвечает: «Между **вами**? Или между **нами**? <...> Между **нами** отлично вижу: я вам нужен, а вы мне нет» (глава 18). Не знаю, как этот каламбур перевести по-итальянски: там уже первое «между нами» будет понятно как имеющее в виду лишь министра и Бобынина.

но позвать Ивана Ивановича?» — русский ответит «Это я» или «Я у телефона», а англичанин — «This is he», т. е. «Это он». Вежливое третье лицо широко распространено у немцев; при обращении на «вы» немец употребляет не второе, а третье лицо множественного числа: не «вы», а «они»; англичане же настолько вежливы, что изгнали в процессе многовекового развития языка форму второго лица единственного числа, у них нет «ты», а есть только «вы» — даже при обращении к ребенку или кошке.

Еще одно лингвистическое сопоставление, показывающее, что при всей вежливости английский язык очень жалует личность, его «самость»: в русском языке нет точного аналога английского понятия *self-sufficiency*, что означает, во-первых, самодостаточность, т. е. возможность обеспечивать себя, не полагаться на внешние источники, а во-вторых, большую уверенность в своих способностях или в своем достоинстве. В русском есть понятие «самостоятельность», но оно, общее с «государственной независимостью», равно относится и к человеку, и к обществу, а в английском *self-sufficiency* применимо только к личности, для государства есть свои термины: *autonomy*, *self-rule*, *self-government* и т. п. Таких личностных акцентов в западных языках немало.

Общинность не только «принижала» человека, но она в какой-то степени ставила под контроль его личную жизнь: он не мог утаить от соседей безнравственные поступки, скажем, тайно пьянствовать или развратничать. От глубокого средневековья в русской деревне шел обычай выносить напоказ простыню новобрачных после их первой ночи — важно было не только своей семье, но и всем соседям доказать невинность невесты.

С другой стороны, распространение стыда на довольно обширные сферы человеческого поведения (стыдливость — один из существенных элементов патриархального бытия) закрывало, даже заковывало внешнее проявление многих эмоций: например, неприлично было открыто, на всеобщее обозрение демонстрировать свои интимные чувства, показывать, скажем, сильную любовь или сильную ненависть; женщинам даже открыто смеяться было неприлично, нужно было прикрывать рот рукой или платочком.

Народные песни о любви к родине, к своей местности, к матери неизвестны: такие высокие чувства прятались в глубине души, а не выворачивались наизнанку. Это сейчас страстный певец может кричать, обращаясь к тысячной или даже милли-

онной аудитории, о своей любви к России или к родимой матушке, в народном быту это было совершенно невозможно. И песни о любви к зазнобушке сдержанны — даже вошедшие в народную культуру городские, профессионально сочиненные песни вроде «Когда я на почте служил ямщиком...» (это народная переделка стихотворения Л. Н. Трефолева, в свою очередь, переведенного с польского оригинала В. Сырокомли).

Скромность и стеснительность тесно связаны с нравственным аскетизмом, который пропагандировался византийско-православной церковью. Идеалом объявлялась монашеская жизнь, да и в мирском быту прославлялось воздержание, довольство малым, сведение до минимума материальных, плотских интересов и желаний. Вместе с общинностью создавался идеал своеобразного «урavnительного коммунизма»: бедность более ценностна, чем богатство, богатым быть — оказывалось чуть ли не постыдным; нигде прямо не говорилось, что хорошо трудиться и хорошо зарабатывать — это плохо, но притчами о духовном превосходстве бедняка, о раздачах своих богатств верующим человеком и превращении в бедняка, подобными притчами воспитывался культ бедности. О деспотизме, кажется, притчи не сочинялись, но ведь при деспоте легко достигалось всеобщее равенство и братство: под властителем все были равны в бедности и аскетизме...

Конечно, рабская жизнь крестьянина и практически не способствовала стимулированию работоспособности и накоплений богатства. Рабство на Руси значительно более раннее явление, чем крепостная зависимость, установленная в XVII—XVIII веках: холопство Киевской и Московской Руси, усиленное татаро-монгольским игом, мало чем отличалось от крепостного крестьянства нового времени. Почти полная отдача произведенной продукции чужому дяде совершенно не вдохновляла на упорный труд, наоборот, воспитывала лень и безответственность (ведь ответственность за свои поступки может быть только у свободного человека). Это те черты, которые создали обломовщину (не только в барской, но и в народной среде), которые многих рабов в душе совершенно не подготовили к жизни после реформ 1860-х гг., и они, эти рабы, особенно представители барской дворянни, плакали по ушедшим крепостническим временам: достаточно колоритно это отражено в художественной литературе, хотя бы в Некрасовской поэме «Кому на Руси жить хорошо».